

ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

«Русская мысль»

Начало: 50-е годы,
литобъединение
«Магистраль»

В 50-70-е годы в Москве при Центральном Доме культуры железнодорожников работало литературное объединение «Магистраль», которым руководил известный всей Москве Григорий Михайлович Левин. Наряду с обычными, начинающими авторами к Левину приходили молодые, но уже известные литераторы. Однажды (сейчас трудно вспомнить, кажется, в 1959 году) после занятия Григорий Михайлович попросил нас не расходиться. После небольшого перерыва появился худощавый черноволосый молодой человек в сером свитере. Он взял гитару и начал петь. Мы были ошеломлены. Этот парень пел то, о чем все думали, но не могли этого выразить. Может быть, и боялись. Мы только-только начали учиться откровенно говорить друг с другом.

Впечатление от его выступления было настолько сильным, что, когда Булат Окуджава кончил петь, мы не могли прийти в себя. Это была настоящая революция в сознании, мы вдруг почувствовали себя свободными людьми. Не стоит забывать, что прошло только лет пять со дня смерти Сталина. Когда мы вышли из зала, старушки-гардеробщницы громко перешептывались: «Это ж надо до чего дошли — про черных котов поют! Совсем народ распустился!».

После этого вечера мы возвращались домой пешком: хотелось обсудить услышанное. Впоследствии мы с ним встречались всего несколько раз, но та, первая встреча была одним из самых значительных впечатлений в моей жизни. После этой встречи я начал откладывать деньги на магнитофон и купил огромный катушечник «Днепр» — в первую очередь для того, чтобы записывать новые песни Окуджавы. Никаких пластинок еще не было, о книжках тогда мечтать тоже не приходилось. Вскоре вышел сборник «Тарусские странички», в котором была опубликована первая повесть Булата Окуджавы. Было видно, что в литературу пришел новый человек, талантливый писатель.

Спустя несколько лет, на вечеру Булата в Политехническом, я обратил внимание на то, что там, в огромном зале, он держался так же просто и естественно, как и в крохотном зале нашего объединения. Мы воспринимали его, с одной стороны, как потрясающе талантливого человека, а с другой — как абсолютно своего. Он был символом того времени «шестидесятников»: ведь он воплощал в себе все наши тогдашние надежды.

Он говорил, как и пел, негромко, спокойно. Своим тихим голосом он говорил правду, и так хотелось подстраиваться под него. Для нашего поколения этот человек олицетворял собой порядочность, честность, правду. С его смертью ушла целая эпоха.

ФЕЛИКС ГОХМАН

Москва

Молодой, тощий, с огромной шевелюрой. Ходил он в «Магистраль» довольно часто. Вначале он просто читал свои стихи. Играть на гитаре еще стеснялся. Затем начал петь свои песни под гитару. Первый такой концерт состоялся в «Магистраль». Слова были замечательные, а петь Булат еще не умел. Конечно, по нашему обыкновению после выступления мы немножко поспорили, чего греха таить. Это было в порядке вещей. Окуджава был «свой», его ругать не стеснялись. Затем были выступления на открытых площадках. Помню такое выступление в парке «Сокольники»...

Все это было когда-то, а вот не так давно в журнале «Огонек» на обложке были опубликованы портреты наших поэтических львов. Евтушенко в каком-то немилосердном одеянии, Вознесенский в «дуге» плаще, тогда они входили в моду, Рождественский в дубленке и Булат в... курточке. Этот человек был всегда самим собой. Он мог и умел выразить в своих песнях не только себя, но все свое поколение.

ИННА ПЕТУШКОВА

Москва

12 июня в госпитале Перси в парижском пригороде Клармаре скончался Булат Окуджава. В субботу 14 июня в парижском Свято-Александрово-Невском соборе была отслужена панихида по скончавшемуся поэту. Храм был переполнен. Во вторник 17 июня гроб с телом покойного был отправлен в Москву рейсовым самолетом «Аэрофлота». В среду москвичи прощались с Булатом Окуджавой на его родном Арбате, в Театре Вахтангова. Отпевание и похороны на Ваганьковском кладбище — 19 июня.

Гражданин
вечности

Булат Окуджава вошел в нашу жизнь нешумно, под спокойные переборы гитары, которую никто из его поклонников не пытался разобрать на сувениры: беседуя без полемики, убеждая без настойчивости, он всегда сохранял некую дистанцию между проникновенным голосом, поющим утешение и надежду, и частной жизнью, пусть и жизнью поэта.

Не сразу, а только уже прижив его в сердце, мы обнаружили, что он сообщил нам странную ностальгию: по юности, но не своей, а тех, кто жил век-полтора назад. Принадлежал к поколению, которое оставило свою юность в боях Второй Мировой войны, воспевавшего Булата Окуджаву расширил понятие поколения, включив в него своих младших и старших современников, Пушкина, Моцарта, Грибоедова и отставного поручика Амира Амилахвари. Исподволь, вопреки естественному отращиванию к истории ближней, пахнущей предательством и страхом, вопреки разобщенности и всеобщему взаимному недоверию, Булат Окуджава помогал нам возвращать душу, возвращая в историческое время из исторического обморока.

Удивительно, что этот негромкий голос и ничем не усиленная гитара были слышны сквозь все нарастающий грохот массовой культуры. Другие расширяли аудиторию, переходя из концертных залов на стадионы. Окуджава — сужал. Как метрострель, он предпочитал быть близко и глаза в глаза со своим слушателем и читателем. На расстоянии протянутой руки, доступной дружескому пожатию.

Его «дилетанты» пересекают огромные пространства Российской империи, но бегут — из времени в вечность. И крик господина ван Шонхове-на в финале романа «Путешествие дилетантов» возвещает не смерть князя Мятлева, а этот переход. Булат Окуджава столько раз и так почти точно описывал визит смерти, несущей молчание, прощение и покой, что его собственная смерть в военном госпитале в Клармаре с набросками легких стихов о Париже кажется сочиненной им самим.

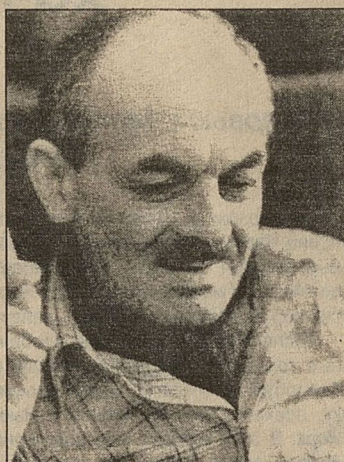
Его труд был таинственным, как жизнь улья, а героизм — насмешлив. Только результат был каждый раз неопровержим, как мед. Начиная с первого сообщения о его смерти по всем каналам радио и телевидения звучит голос Булата Окуджавы, его московский говор, приправленный легким грузинским акцентом. И кто бы ни говорил о нем, говорит талантливо. Это тоже его заслуга, им привитый вкус к простым словам, выстроенным в заботом порядке веры, надежды и любви.

Мы скорбим, наша скорбь неподдельна. Но снова и снова звучит голос, проливая бальзам на свежую рану: «...на земле этой вечной живу».

Булат Окуджава, арбатский поэт, который родился в Москве, а умер в Париже, не был гражданином мира. Такой легкий и хрупкий, он был гражданином вечности. И пока он поет, штопан золотой ниткой своей поэзией прорехи в наших чувствах и быстро ветшающей памяти, мы перестаем быть одиночками и безродными детьми двадцатого века и верим, что он просто вернулся домой.

ЛАТАВРА ДУЛАРИДЗЕ
ТАМАРА ДУЛАРИДЗЕ

Москва

У поэта саперника кенту
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он читал стихи своему,
это он не о вас — о себе.

Ручки этикетки к нему возносили,
фамилию и имя по камню гроба.
Окуджава, прости, прости...
это он не за вас — за себя.

Но когда дозревает перемена,
и душа вытесняет во штык-
номе призраке, сдвинуто дело...
Ваша решая: для него и для.

Что ли мед, что ли горькая таща,
что ли адепты обман, что ли храм.
Всё, что было его — теперь ваше
всё же вас. Подтверждается вам.

Окуджава

Примириться с этим
невозможно

Вся моя сознательная жизнь, наверное, начиная с 15-ти лет, проходила под музыку песен Булата Окуджавы. Нам он казался недостижимым кумиром, и я даже мечтать не могла, что доведется когда-нибудь в будущем познакомиться с ним. Булат был тогда еще в загоне, его не публиковали, не давали площадок для выступлений, он вынужден был давать маленькие концерты на квартирах, но держался гордо, как настоящий кавказец. Кстати, когда около трех лет назад я брала у него интервью для своей газеты «Европеец», на мой вопрос, кем он себя считает, Булат ответил, что по образованию и духовной биографии он европеец, «но в крови моей есть азиатчина».

Песни его казались таинственно многослойными, даже символическими, а мы, молодежь, настороженно старались разгадать их подтекст, что, впрочем, было обычным занятием интеллигенции 70-х — начала 80-х годов. Мне, например, пришло в голову, что в песне «Прощание с новгородной елкой» слова «Ель, моя ель, уходящая олень, зря ты, наверно, старалась. Женщины той осторожная тень в хвое твоей затерялась...» — это о вытесненном празднике Рождества, о Богородице, которая прячется в ветвях новгородной елки. На одном из редких тогда концертов Окуджавы в Петербурге мы с моим другом задали ему этот вопрос. Он как-то нежно, интимно наклонился к нам и тихо сказал: «Это очень хорошо, что вы так думаете»...

...Во время последней нашей встречи он подарил мне книгу своей прозы с теплой надписью: «Гале Старовойтовой с сердечным расположением от бывшего гитариста», — петь он уже не мог, дыхание не позволяло. Хотя уход его из жизни можно было предсказать, примириться с этим невозможно.

ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА

Москва

14 июня 1997. Свято-Александрово-Невский собор. Париж прощается с Булатом Окуджавой. Фото Алексея Гинзбурга.

«Франция — это моя вторая жизнь»

Неопубликованная беседа парижского журналиста Виталия Амурского с Булатом Окуджавой, состоявшаяся почти 10 лет назад

— В моем представлении вы не только певец Арбата, певец полноты Москвы, не только тонкий и глубокий наследник кавказской культуры, но также немного и парижанин. Символично, что именно в Париже вышла в свет ваша первая пластинка, когда вас еще не издавали в отечестве. Хотелось бы знать, что представляет для вас Франция, страна, где вас называют «русским Брассансом».

— Франция — это страна великой культуры, и с самого детства она меня сопровождает. Я воспитывался на французской литературе, на французской музыке, а позже, уже в зрелые годы, в мою жизнь вошел Жорж Брассанс и во многом определил характер моей музыкальной деятельности.

— А каких французских писателей вы любите?

— Ну, если говорить о детстве, то прежде всего это был Дюма, Дюма, который очень лег мне на душу, очень меня в свое время взволновал и обаял, и таким образом мое детство было связано с Францией через Дюма. Потом были Рабле, Вольтер, в последние годы — Селин, Арагон, многие другие. Это если говорить о литературе.

Что касается Жоржа Брассанса, то мне посчастливилось с ним познакомиться, это было в 1968 году, в Париже. Я подарил ему свою книгу. Он подарил мне свою пластинку, и мы немножко поговорили, очень коротко, и я сказал ему о том, что он для меня является, ну, олицетворением Франции, французского «шансона». Он до этого уже слышал мои песни и очень благосклонно к ним отнесся. Вот так.

— Критика и многие слушатели в Советском Союзе (да и на Западе) всегда вспоминают о том, что вы внесли в современную советскую песню элементы старого русского романса. Но здесь мы только что вспомнили о Брассансе. Внес ли Брассанс что-то в вашу мелодику?

— Ну, насчет мелодии трудно сказать. Вряд ли. Но характер его песен каким-то образом, конечно, отразился на мне — отразился в чисто литературном плане, хотя в общем-то я иду от романса русского, городского. А если говорить о мелодике, то, может быть, здесь есть и что-то восточное, потому что я по происхождению своему грузин, и, видимо, как-то это отразилось...

— А чем можно объяснить некую паузу в вашем песенном творчестве в последние десятилетия?

— Ну, просто в последнее время я перестал заниматься этим жанром. У меня появились другие пристрастия, и у меня уже не удовлетворяет, этот жанр. Поэтому я держусь на старом багаже: если я выступаю, то выступаю со старыми вещами. А нового у меня почти ничего нету. Я не знаю, чем это объяснить, это тайна. Я лично не беру это объяснить, я себя не анализирую.

— А как вам вообще пишется? Наверное, какой-то существует момент, когда вы подходите к письменному столу, берете ручку, бумагу или садитесь за пишущую машинку, — как про-

исходит вот этот момент вашего контакта с белым листом?

— Что касается стихов, то это ведь вещь такая непланируемая. Они пишутся на улице, на ходу, на крыше, в троллейбусе, за рулем машины, — это всегда существует с тобой. Что же касается прозы, это вещь более дисциплинированная и обязательная, и если я пишу прозу, то я сажусь с утра и пишу до полудня, обязательно. Таков жанр, таковы его условия.

— Сейчас, когда в Советском Союзе началась новая оттепель, похоже, вы смотрите на все скептически и умудренно. Я говорю так, думая об одной вашей фразе: «В России сложилась революционная ситуация, только вот нет революционеров».

— Когда-то, много десятилетий тому назад, мы поставили перед собой задачу создать нового человека. Мы не очень хорошо продумали эту задачу. Мы его действительно воспитали, но воспитали человеком, не умеющим самостоятельно мыслить, испуганным, рабским по своей психологии и отнюдь не прогрессивным. Теперь мы пожинаем эти печальные плоды. Теперь, когда открылись новые возможности, когда необходимо приложить руки, мозг, энергию, оказалось, что таких людей крайне мало, очень мало. И это главная наша беда. Я думаю, что понадобится много времени для того, чтобы создать раскованного, мыслящего, гордого человека, свободного, который мог бы приносить пользу своему отечеству.

— Говоря о сложнейшей ситуации, в которой сегодня оказался Советский Союз, мы не можем не вспомнить о национальных проблемах. Вы чувствуете, очевидно, в себе глубокую смесь культур. То, что сейчас происходит на Кавказе, в Прибалтике, очевидно, свидетельствует о том, что страна вошла в какой-то кризис разрыва. Как вы смотрите на этот кризис, есть ли из него выход?

— Вы знаете, национальные проблемы существовали всегда. Они просто не были явными, потому что весь строй нашей жизни был невидным, закрытым. А теперь, когда все-таки каким-то образом возрождалась гласность, хотя бы частично, все эти проблемы вышли наружу. Они стали достоянием общественности. Это очень печальные проблемы, но они естественны, они должны существовать, и более того, эти проблемы — международные. Каждой национальности свойственно стремление определиться, почувствовать себя самостоятельной, почувствовать себя равной с другими. Вот это то, что и происходит у нас сейчас.

Я не политик, видите ли, мне очень трудно сейчас предсказывать будущее, но я думаю, что прежде всего мы должны обо всем четко и откровенно говорить вслух, а потом мы должны видоизменить нашу национальную политику. Мы должны многое в ней изменить. Раньше все это держалось на страхе, на кнуте, а теперь нужно все это решать. Но в решении этих вопросов нам не хватает нравственности, высокой духовности. Ну и потом гласность еще не обрела полную силу, мы еще о многом не решаемся говорить. Это тормозит развитие. Я думаю, что в конце концов эти проблемы как-то решатся, хотя, конечно, не окончательно: ведь национальные проблемы — это вечные проблемы. Но они должны дойти до такого нормального человеческого уровня, чтобы не мешать друг другу жить и нормально развиваться.

Декабрь 1988, Париж

Печатается в сокращении.

ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Он остался победителем

Вот музыка та, под которую
Мне хочется плакать и петь.
Возьмите себе оратории,
и дробь барабанов и медь.

Возьмите себе их в союзники
легко, до скончания дней...
Меня же оставьте с той музыкой:
мы будем беседовать с ней.

В Булате Окуджаве — в этом небольшом, тщедушном человеке — таилась такая энергия, которой обладают лишь великие личности. Он никогда не говорил то, что не думал; никогда не мог сфальшивить, не пытался подстроиться к звенящему, оглушающему всю страну оркестру. Нет, он вовсе не был одиноким путником, стоящим над схваткой. Он бросался всегда туда, где требовалась человечность, милосердие, жалость, сострадание... Пять лет мы вместе состояли в Комиссии по помилованию, и Булат, которого палкой нельзя было загнать на пошлосте писательского собрания, старался не пропускать ни одного из этих трепещущих кровью и жалостью заседаний. Там он говорил медленно и взвешенно, как будто прислушиваясь к той внутренней музыке, которая в нем постоянно жила. И меньше всего он считал себя бойцом.

Покуда по свету разносит молва,
что будто я зло низвергаю,
я просто слагаю слова и слова
и чувства свои излагаю.

И эти чувства продолжают жить, петь, существовать в сердцах миллионов людей, и зеленый троллейбус Булата вмещает человеческие горести; когда человеку невмочь пересилить беду, поэт протягивает руку.

Среди многих коротеньких стихов Булата Окуджавы есть одно, в котором заключена и сущность поэта, и его завещание читателям:

Совесть, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен,
посвятив ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Булат Окуджава не только умер «как человек», но и остался «победителем». На все времена, для наших детей и внуков.

ЛЕВ РАЗГОН

Москва

Это одно из двух последних стихотворений Булата Окуджавы — шуточное послание, адресованное семье его друзей, у которых он жил в Париже. И фотография — тоже из последних. Ее сделал Михаил Федотов 19 мая 1997 года.

Впечатление

Вниз поглядишь — там вздыхает Париж,
именно он, от асфальта до крыш.
Вверх поглядишь — там созвездие крыш:
крылья расправишь и тут же взлетишь.

Вот я взлетаю на самую крышу.
Что же я вижу? Что же я слышу?
Вижу скрещение разных дорог.
Слышу знакомый Московский говор.

Там проживает Миша Федотов,
Там отдыхает, день отработав,
Там собираются время от времени
стайки гостей из русского племени
передохнуть от родимого бремени
вдруг залетевшие в этот Париж,
где не захочешь, да воспарить.

Ну, а вокруг, теплых чувств не тая,
Маша и дети. Семья как семья.
Что им внушает эта квартира?
Лучше котлетки из козьего сыра.
Лучше в Париже ютиться на крыше:
что еще слаще? Что еще выше?
Лучше в парижском этом гнезде,
а не в Консти

туционном суде.

Булат Окуджава

Париж, 19 мая 1997

Июня — горький день...

В июне сочная листва
И изумрудны травы
И солнце льет тепло и свет,
Как песни Окуджавы!

В июне солнцем залиты
Леса, поля, дубравы.
Цветут волшебные цветы,
Как песни Окуджавы!

В июне множество чудес:
И голосом Булата
Поет тихонько темный лес
«Бумажного солдата».

Повсюду слышен голос тот:
В спокойно летнем небе,
И в виноградном зернышке,
И в каждодневном хлебе.

Поэт любимый! Человек —
Достойный вечной славы.
Наш век мы будем веком звать
Булата Окуджавы!

Сердца глаголом нам не жег!
Он их лечил отважно!
От доброты ль он занемог?
От скромности? Неважно!

Ушел он! Щедро нам отдал
Жар песен со стихами.
Ушел! Нас грустно забросав
Июньскими цветами.

ЮЛИЯ ШЕМЯКИНА

Париж

Он всегда будет с нами

«Я думала, он никогда не умрет», — сказала мне моя дочь Зоя, и я понял, что это не странный для матери трех моих внуков инфантилизм, а совершенно точно выраженное искреннее непонимание случившегося.

Почти сорок лет, с самого ее рождения, ее сопровождали эти стихи и песни, этот глуховатый голос и гитара, как когда-то, почти двести лет назад, услышанные мальчиком няини сказки шли вместе с ним через всю его краткую, но вобравшую в себя все наше существование жизнь. Гораций бумажный солдатик, грохочущие сапоги, крик ошалевших птиц, циркачка и медсестра Мария, и все дальше и дальше, все круче, круче, и эта самая елка, которую зачем-то все время наряжали, и руки друзей, которые не должны разжиматься, и то, как они, тем не менее, порой разжимались, и мы пропадали поодиночке...

А голос нас не оставлял, а гитара не умолкала, и виноградная косточка, и этот самый Портленд, в который нет и не может быть возврата, как и в Рим эпохи упадка, огромная страна, начинающаяся почему-то на старом Арбате — через тюрьмы, этапы, дальние лагеря и ссылки, и почему-то — понять бы, понять! — почему, зачем оборвавшаяся в Париже...

Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе... Ты права, Зовечка, верно, он не умрет, он всегда будет в нас и с нами.

ФЕЛИКС СВЕТОВ

Москва

БУЛАТ

Мы почему-то не думали, что же такое в русском языке — булат. А имя поэта было очень и очень значащим.

Боюсь на поэтическом фоне быть бытописателем-прагматиком, но не могу не добавить к портрету несколько стально-булатных черточек.

Вот одна из последних. Где-то полгода назад услышал Булат от хороших врачей: первый же грипп вас убьет. Приехал сейчас в Германию и не мог не навестить больного гриппом друга.

А еще — десятилетней давности. Вышла в Париже книга старейшего тогда, ныне уже покойного, писателя Олега Васильевича Волкова «Погружение во тьму» — одна из лучших о лагерной судьбе русской интеллигенции. Рукопись ее тайно привез на Запад Булат.

И первый компьютер для первой в России независимой правозащитной газеты «Экспресс-хроника» привез из Парижа Булат.

Это и значит: Булат — булат.

АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ

Сквозь смерть

Он так естественно и просто входил в нашу жизнь уже много-много лет — стихами, песнями, своими легким присутствием, даже заочным, — что этот порядок вещей казался вечным и незабываемым. Если бы кому-то в голову и пришла мысль о том, что этого когда-нибудь не будет, она показалась бы нелепой и даже кощунственной.

Он приезжал в Париж и сразу же звонил. И были встречи, застолия, длинные сбивчивые «русские» разговоры. Впрочем, в последнее время все чаще из самых мудрых и самых скромных наших священников: «В нашей теперешней жизни все так неверно, шатко, тяжело, почти непереносимо, что смерть уже совсем не кажется чем-то страшным. Я часто думаю о смерти как о спокойном светлом пристанище, где нет болезней, печалей, а главное — нет разлуки. И когда на молитве я поминую многих дорогих мне людей, то в минуты грусти мне почти радостно думать, что я буду с ними. И жизнь их кажется мне вернее нашего призрачного существования».

Прощай, Булат. Спасибо тебе за все.

Вот и в последнюю встречу. Он тяжело огорчился нынешним нашим бедам и все повторял: «Я должен написать...». Знали бы мы тогда, беззаботно откладывая все дела «на потом», что дни его уже отмерены и что писать будет не он, а мы.

И вот это пришло. И ощущение пронзительной жалости к Оле и Буле, горького своего сиротства. И одна и та же, как тупая боль, возвращающаяся мысль: «Как же мы теперь будем жить?» И все-таки, если суметь продрасть эту боль, в самой глубине вдруг начинаешь медленно осознавать нечто более важное и, может быть, даже самое главное. Пожалуй, лучше всего этот «урок» сформулировал один из самых мудрых и самых скромных наших священников: «В нашей теперешней жизни все так неверно, шатко, тяжело, почти непереносимо, что смерть уже совсем не кажется чем-то страшным. Я часто думаю о смерти как о спокойном светлом пристанище, где нет болезней, печалей, а главное — нет разлуки. И когда на молитве я поминую многих дорогих мне людей, то в минуты грусти мне почти радостно думать, что я буду с ними. И жизнь их кажется мне вернее нашего призрачного существования».

Прощай, Булат. Спасибо тебе за все.

АРИНА ГИНЗБУРГ

Париж

ПОТЯСЕН ЕГО УХОДОМ

Булат не очень любил слова, которые о нем говорили, славословия. Я совершенно потрясен его уходом.

Это моя личная потеря.

Не знаю, как вообще культура дальше будет без него. Одной великой могой будет больше. Но мы-то как будем дальше? Уже ведь никого не осталось. Он был из плеяды тех людей, которые грели нас как-то рядом. А сейчас — я не знаю, как дальше.

Единственное — я благодарен судьбе, что довелось жить рядом с ним, в одно время.

Последние два дня я был на даче — не с кем было даже поговорить. И я разговаривал с бумагой: взял и просто написал то, что я думал. Не о нем, не мемуары, а какие-то выплески по поводу его жизни и моей жизни. Это единственное, на что меня хватило.

Нам всем можно только пособолеть.

А мы должны помнить его...

АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН

Москва

Во дворе церкви на rue Darю после панихиды. Фото Алексея Гинзбурга.

Умер великий русский человек

Услышав весть жуткую, тяжкую и, к сожалению, вполне вероятную, мы, ослонки уходящего поколения, собрались и, по российскому обычаю, попытались хоть немного утешить печаль разговором, разбавить хмелем горечь, но лишь растрепали себя воспоминаниями да добавили горького в души.

Первый день без Булата — мы сидим на кухне и выпиваем, как часто это делало наше поколение, и он в том числе: усаживались возле плиты или раковины с наивной и неполной уверенностью, что «мы» сами по себе, а «они» нас не слышат — у «них» своя компания. И так с шестидесяти годов мы шептались на кухнях — и в этой неизбежности тоже было мало человеческого.

И тогда, в начале шестидесятых, мы повсеместно почувствовали теплый ветер человечности — голос Булата, песни Булата. На фоне мрака и холода бесчеловечности мы увидели сначала сумеречные проблески, и появилась, казалось бы, оттепель.

Фантомом оказались и свет, и тепло. Но остались его песни, его голос, которые и говорили нам, что есть надежда, есть еще нормальная жизнь, а не только нечто нечеловеческое, нас обволакивающее и затягивающее в смрадное болото.

И песни, и голос его медленно и постепенно — пусть пока лишь в душе — отодвигали нас в гостинные, подальше от места работы кухарок, протеже Владимира Ильича в государственную управу.

Каким-то образом Булат оказался лидером нашего поколения и при этом — без всякой потуги к лидерству, к властвованию, командованию и учительству...

Впрочем, нет — он не лидер. Лидерство — это так не по-окуджавски. Булат — СИМВОЛ нашего поколения, тех времен, когда надо было нам «взяться за руки... чтоб не пропасть поодиночке», когда просил он нас — «давайте говорить друг другу комплименты». Этими строками мы, хотя бы внутренне, сопротивлялись грубым окрикам, постоянным замечаниям, запретам, держимордству.

Наше поколение уходит не только со сцены, но и из жизни. Закончилась еще одна глава истории нашей страны в XX веке. Для меня лично — перевернута страница в моей жизни, которая начиналась: «Здравствуй, Булатик!», «Здравствуй, Юлик!». Уже нет этого «здравствуй». Теперь: «До встречи, Булат».

Булат счастливый был человек — он выразил лучшее в поколении, он, пожалуй, в каком-то смысле и создавал поколение. Показывал поколение в самом комплиментарном для нас ракурсе. И это нам помогало. Он при жизни увидел, почувствовал любовь к нему тех, кто ему дорог, и неприязнь многих, кто были ему чужды и неприятны. До этого не все успевали здесь дожить.

Мы уходим, и мы можем утешительно гордиться, что среди нас жил, вместе с нами жил, что в какой-то степени нас выражал Булат. Вроде бы и мы приобщились, и мы выглядим лучше.

Как сказал наш президент, в России два государственных праздника: девятое мая — День победы и двенадцатое июня — День независимости. Оба эти праздника возникли при жизни нашего поколения. К рождению этих двух праздников приложил руки (и душу, и голову, и все тело) Булат — он участвовал в этой Большой Войне, что закончилась девятого мая, он много сделал, чтоб Россия перестала быть зависимой от большевистского мороза.

Булат — СИМВОЛ поколения. Девятое мая — день его рождения. Двенадцатое июня — день его смерти. Даже этими знаками он еще раз привязал себя к русской истории, к русской культуре.

Умер великий русский человек.

ЮЛИЙ КРЕЛИН

Москва